

A. AYSKUR

---

*Не
отпускай
мою
руку,
ангел
мой*

А. Аyskur
**Не отпускаяй мою
руку, ангел мой**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68797740

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда-то в жизнь каждого из нас приходит первая любовь. Она может быть красивой, как описывают в книгах или показывают в фильмах. А быть может, принесет боль и разочарование. Что делать, так создана наша женская история, что нет любви без страданий и слез. Однако мудрыми людьми замечено, что море отчаяния, которое вы испытываете в тот момент, в скором времени обернется океаном безбрежного счастья. Книга, которую я вам дарю, это история о первой любви, о чести и достоинстве, предательстве и верности, о падении и возвышении, о том, как однажды сделанный неправильный шаг ставит тебя на протяжении жизни перед выбором.

Содержание

Глава 1. Подруги	4
Глава 2. Новый год	14
Глава 3. Предательство	23
Валька	29
Глава 4. Выпускной	36
Глава 5. Расплата	50

А. Аукур

Не отпуская мою руку, ангел мой

Глава 1. Подруги

– Лийка! Ты где? – донесся звонкий голос с улицы. Он разорвал тишину декабрьского морозного утра, в разных концах улицы на него отозвались лаем дворняжки.

«Что нужно подруге в такую рань, в воскресный день?» – Лия нехотя оторвалась от потрепанной книжки Грина «Алые паруса». Она ее заново перечитывала после просмотра фильма, вышедшего недавно на экраны. Фильм, конечно, был потрясающим, но книгу можно было перечитывать бесконечное число раз. А Лия очень любила возвращаться к своим героям, которым она хотела подражать и представлять себя на их месте. Из-за этой тяги к чтению книг она часто получала взбучку от матери, но отец поощрял чтение и заполнял старый книжный шкаф все новыми экземплярами в потрепанных переплетах. Отца уже не было, а книги напоминали о нем всякий раз, когда она выбирала среди них что-то новое для прочтения. Она отложила Грина в сторону и потянулась к халату. И тут вспомнила свой сон. В нем она была на па-

лубе большого белого парохода, а рядом с ней стоял... Рава из соседнего класса. Девушка мгновенно покраснела, сердце ее учащенно забилось. Быстро оглянулась по сторонам, как воришка. Но потом рассердилась на себя. – Ну вот еще. – И, накинув на плечи старую оренбургскую шаль, выбежала на улицу.

Ядреный декабрьский мороз с ходу влетел ей в легкие, заставив закашляться и потеплее укутаться в материнскую шаль. Ее подруга уже вошла во двор и теперь искала глазами их свирепую овчарку по имени Найда.

Вальке нипочем были морозы, она стояла в распахнутом зимнем пальто, клубы пара выходили из ее красивого капризного рта и превращались в мелкие льдинки на большом воротнике из песка. Яркая рыжеволосая бестия с вздернутым носиком, усыпанным мелкими веснушками, которые мило выделялись на ее белом лице с красными щеками, со зрелой, рано оформившейся фигурой, словно бросала вызов всему, что ее окружало. Жизнерадостная, жадная до сплетен и умеющая постоять за себя в любых передрагах, она была единственной подругой Лии. И кто был в этом тандеме лидером, доказывать не приходилось. Начитанная и тонкая, всегда знающая правила русского, умеющая наизусть пересказывать всех классиков, Лия, говоря современным языком, была ботаном. Но в жизни она была скромницей, мало приспособленной к жизни девушкой. Валька беззастенчиво пользовалась этой дружбой, списывая контрольные, дик-

танты у подружки, что позволяло ей, большой лентяйке, числиться в хорошистах в классе. Платила она подружке тем, что громко давала сдачи пацанам, которые пытались приставать к ним, таскала ее с собой в кинотеатр на новые фильмы или поплавать на затон, куда Лия никогда бы не осмелилась пойти одна. Дружба этих совершенно разных девушек до десятого класса не давала особого крена, но в последнее время Валька все чаще пропадала на свиданиях и не особо звала подружку с собой на прогулки. Да и сама Лийка не особо рвалась сопровождать ее. Во-первых, готовилась к поступлению в институт, потому что надеялась только на себя. К тому же после смерти отца они стали жить очень скромно, и иногда у нее не было даже двадцати копеек на сеанс кино.

– Ты что так рано? – удивилась Лия, открывая калитку.

– Ничего себе рано, уже десять часов. Хватит дрыхнуть, пошли ко мне платье покажу, которое отец привез.

Лия вздохнула, но обижать Вальку было нельзя. Себе дороже.

– Ладно. Ты иди, я тебя догоню.

– Нет, я тебя буду здесь ждать, давай быстрее, – она пошла к собаке, которая, радостно повизгивая, залаяла подобострастным щенячьим лаем. Вальку любили даже собаки.

Через несколько минут девчонки были у нее дома. Здесь, как всегда, было тепло, уютно и пахло замечательным фирменным пирогом с рыбой от Валькиной бабушки. Она была

уральской казачкой и делала из рыбы чудеса. Когда старообрядцы появились в этих краях, никто не знал, а сами они об этом не распространялись. Раньше они не смешивались с местным населением, жили уединенно, занимались ловлей рыбы, которую вялили, коптили и продавали прямо из своих домов. Но времена изменились, и они учились, работали, принимали участие в жизни общества. Валька была как раз таким представителем, который ломал все устои старообрядческой жизни, а ее острый язык и общительность поражали не только близких.

– Быстро на кухню кушать, – не слушая возражений, крикнула бабка девочкам, и те смиренно сели за стол, уставленный всякими яствами.

«То ли дело у нас дома», – тоскливо подумала Лия и вспомнила свою мать, которая едва успевала сделать завтрак детям и убегала на работу, а приходила поздно вечером. Правда праздники были и у них, и тогда мама была не похожа на себя: радостная и веселая, она колготилась у плиты, что-то сочиняя из еды. Но таких дней после смерти отца было все меньше, и Лия не переставала, а может, еще больше любила свою мать, понимая, чего ей стоит тащить семью с крохотной зарплатой уборщицы.

– Вкусно, баба Зина, – уплетая второй кусок, сказала Лия и не прочь бы была посидеть еще, но Валька уже тащила ее в свою комнату. Новое черное платье в горошек с белым воротником-хомут подчеркивало женственность Валь-

ки и очень ей шло.

– Из Москвы папа привез, – поворачиваясь из стороны в сторону, сообщила Валька. – Ну как, красиво?

– Ну конечно, – с завистью ответила Лия и вздохнула. У нее самой обновки на Новый год не было. Да она и не просила, знала, что мать откладывает деньги на выпускной. Валька с барским радушием дала ей примерить платье.

– Немного большевато в груди, конечно, но тоже неплохо, – ревниво оглядывая подругу, сказала Валька. – Ты сама-то в чем идешь на вечер?

– Пока не знаю, наверное, в школьной форме.

– Ты что? – выкатила глаза Валька, а потом махнула рукой: – Тебе и форма пойдет, ты красивая.

Это был большой комплимент с ее стороны, обычно она не бросалась такими словами в сторону кого-бы то ни было, а уж тем более возможных соперниц. Поэтому Лия заметно удивилась такой щедрости, но не стала перечить, острого языка подруги она, как и все, побаивалась. После обычных разговоров двух подруг Лия собралась домой. Надо было успеть убраться дома, иначе мать не отпустит на новогодний вечер. Валька ее уже не удерживала.

Семья Лии жила в небольшом финском домике с крохотными комнатами и большим огородом, который по большей части кормил семью в силу того, что отец не брал подношений. А был он начальником охраны лагеря и мог жить достаточно неплохо. Но он был из семьи дворянских мещан, вос-

питан в строгости и честности. Революцию встретил в чине офицера, но сразу примкнул к большевикам. Воевал на полях Отечественной и вернулся с ранением. В пятидесятые его прислали сюда, где он стал начальником охраны. Жили скромно, как и большинство здесь. Семью держал в большой строгости. Мать, простая русская женщина, не работала, занималась домом и воспитанием детей. В ней была природная интеллигентность, наверное, потому что она была коренной ленинградкой, во время войны вывезенной в Ташкент в эвакуацию. Здесь и осталась, не в силах бросить этот хлебный город после испытаний голодом, а потом вышла замуж и поехала с мужем в эти пустынные края. Ко времени описываемых событий отец Лии уже скончался то ли от сердечного приступа, то ли от чрезмерных возлияний, и матери пришлось выйти на работу. Она устроилась техничкой, попростонародному уборщицей, в управление «Гидростроя», градообразующего предприятия в этих краях, где работало практически все население города. Попастъ на работу даже уборщицей считалось престижем, потому что здесь давали премиальные, профсоюз щедро одаривал путевками на море и в пионерские лагеря. Поэтому, когда начальник управления, узнав о смерти мужа, с которым был знаком, предложил ей эту работу, она была готова поцеловать ему руку. Надо было кормить и растить двух дочерей.

Лия была старшей дочерью и любимицей отца. Мать особых чувств не проявляла, но и в обиду дочерей не давала.

Тетя Зина обладала такой житейской мудростью: где надо, давала подзатыльник, а где надо, угощала пряником. Ей не нравилось, что старшая увлекалась книгами, но не запрещала, потому что видела, что та проявляла рвение к учебе, учителя ею гордились. Она возлагала на нее большие надежды и верила, что та вытащит их в лучшую жизнь, поможет им всем вернуться в Россию. В Ленинграде у нее оставался брат, старый холостяк. Но она только однажды смогла встретиться с ним еще при жизни мужа. А брат ни разу не приехал к ней, считая свою сестру глупой женщиной, которая осталась жить в пустыне, в краях, где, как он считал, растут пальмы. Тетя Зина переживала за старшую еще и потому, что что та была слишком погружена в себя и книги. Редко выходила на улицу, не играла с соседскими ребятами. У нее и подруг, кроме Вальки, не было. Вторая, Оленька, как раз была такой, пошустрее и пообщительнее. В ней мать была уверена, что та не пропадет в жизни.

Лия и вправду была как будто рождена в другую эпоху. Любимым занятием было окунуться в ту эпоху и представлять себя героиней прочитанных книг. Особенно ей нравилась Наташа Ростова, а позже жены декабристов – ей хотелось такой же возвышенной, чистой любви и жертвенности. В школе за внешнее сходство с главной героиней вышедшего на экраны фильма «Война и мир», ее так иногда и называли – графиня Ростова. Звучало это отнюдь не похвально, а скорее с издевкой. Но она привыкла быть белой вороной

в дворовой и школьной тусовке. Внутренне это была девушка с твердым характером и волей. А главное, умом она была намного взрослее своих сверстников, и у нее была цель – уехать из этого города полного беспредела и беспросветности для таких, как она. Чтобы достичь этого она должна была очень хорошо учиться, что она и делала с завидным упорством. Уже с третьего класса она числилась в отличницах. А в старших классах представляла школу на различных олимпиадах и мероприятиях городского масштаба. К тому времени у нее появилась близкая подруга Валя. Они сидели за одной партой, к тому же жили рядом. Для Лии это была единственная возможность наладить контакты в классе, где девчонки считали ее заносчивой воображалой, а мальчишки побаивались, как всякую умную девчонку.

К семнадцати годам Лия была девушкой с красивой тонкой фигурой, с лицом, на котором ярко сияли большие зеленые глаза, обрамленные пушистыми длинными ресницами. Брови были тонкие и красиво очерченные. Все вместе это придавало лицу одухотворенность, нежность и немного отрешенности, как у барышни из девятнадцатого века. Она даже разговаривала, немного растягивая слова, ей казалось, что так она похожа на одну из прекрасных представительниц далекого времени. Как раз в то время на экраны вышел фильм «Звезда пленительного счастья», и они с одноклассниками несколько раз сбегали с уроков, чтобы еще и еще раз посмотреть его. Почти все девчонки примеряли на себя

образ пленительной француженки, возлюбленной поручика Анненкова, а ей нравилась Мария Волконская, сильная, волевая женщина, страдающая молча, но так же, молча и благородно, исполняющая свой долг верной жены.

Но сегодняшний сон спутал все карты, ведь в нем она видела себя с Равой из параллельного класса, и это сильно ее встревожило. Она целый день думала об этом. Рава был одним из самых красивых парней школы. Он был намного выше своих сверстников, с накачанными мышцами от занятий спортом, что придавало ему статность и взрослость. На его лице в отличие от сверстников не было намека на угристость и растительность, оно было чистое, загорелое с пронзительными сине-голубыми глазами. Прямой крупный нос, четко очерченные губы и волевой подбородок придавали ему спартанский вид, о чем он, конечно, знал и пользовался этим, зачастую демонстрируя силу и мышцы на занятиях физкультурой. Внимание девочек и зависть пацанов были обеспечены сполна. Словом, это был олимпиец, сошедший с картин эпохи Возрождения. Правда, имя его – Рафаэль – вообще не соответствовало его облику, но татары из детства Лии были помешаны на мифологических именах. Дионисы, Адонисы, Люции, Руфины, Марсели, Марсы – эти греческие небожители бегали с ними в догонялки, сражались в казаки-разбойники. Имена для простоты, конечно, переименовывались. Так, Рафаэль стал простым Равой, что не помешало ему остаться недостижимым во всех смыслах – красавец, спортсмен, от-

личник.

Наверное, при других обстоятельствах Лия тоже была бы без ума от этого плейбоя их городка, но она трезво оценивала свои шансы. К тому же, несмотря на свою красоту, он не был похож на героев прочитанных ею книг – был слишком самовлюбленным, самоуверенным, неуправляемым, мог набить морду любому, кто сомневался в его правоте. Да и еще он был покорителем всех девичьих сердец. И не только в школе, и не только сверстниц. Слишком много о нем сплетничали, а Валька так вообще умирала по нему и делилась с Лийкой своими мечтами о нем.

Странно что при этом наборе, как она считала отрицательных качеств, он был одним из лучших учеников, даже представлял школу на олимпиадах. Именно олимпиада по английскому, куда они попали вместе, поставила жирную точку в ее оценке этого парня. Но она предпочитала об этом не вспоминать. Из-за него она получила выговор от англичанки, снижение годовой оценки, и этого было достаточно, чтобы закрыть тему Равы, как она думала, навсегда.

Глава 2. Новый год

Через несколько дней наступил долгожданный Новогодний вечер в школе. Они считались выпускниками, и это был последний Новый год в старой, годами не ремонтированной, но от этого не менее любимой школы. «Наверное, в нашей жизни больше не будет этих смешных хороводов вокруг елки, Деда Мороза со Снегурочкой», – думала Лия, стоя в большом зале у стены за колонной. Она была одета, как всегда, в темную юбку и белую кофту, обычную школьную форму, поэтому старалась не выделяться в толпе красочно разодетых девчонок, которые бурно обсуждали каждого, кто оказывался в центре их внимания. Сейчас их объектом была Валька в новом платье в горошек, которое вызвало бурю восклицаний и зависти. Она была нарасхват, красная от духоты зала, бесконечных танцев, красивая от успеха со стороны ребят. Вот и сейчас не успела дойти до места, как снова была приглашена, на этот раз Равой. Все замерли от ревности, а она, счастливая, закружилась в очередном вальсе, где он уверенно вел ее в такт музыке. Они очень подходили друг другу, оба статные, красивые. Вот он низко склонился к ней и что-то сказал, и подруга весело рассмеялась в ответ.

В это время они приблизились к тому месту, где стояла Лия, и он как бы невзначай бросил на нее свой взгляд. В его глазах, строгих и темных, было что-то такое, что испуга-

ло девушку. Она вздрогнула и быстро отвернулась. И решила, что пора уходить. Ей здесь было делать нечего, для одноклассников она оставалась выскочкой и отличницей, которую не любили. Но неожиданно рядом послышался голос одноклассника Гоги. Прозванный Горби за свой горбоносый большой нос, этот невысокий с черными глазами навывкате грузин был неформальным лидером всех пацанов школы. Они с Равой также соперничали среди девчонок за звание самых красивых парней школы. Поэтому Лия была поражена, услышав, что он обращается к ней.

– Дорогая, можно тебя на минутку, разговор есть, – вежливо попросил он своим гортанным кавказским голосом. И взяв под локоть потрясенную девушку, повел ее в ближайший класс.

Здесь он отпустил ее, прошел немного вперед и повернулся, не зная, как начать разговор. Она настороженно и вопросительно смотрела на него: что ему надо? Какие разговоры могут быть с ним, может, с контрольной помочь?

Гога был страшным лентяем, учился как мог, но был выдумщиком и большим затейником, поэтому ему многое прощалось даже со стороны учителей. К тому же у его папы была своя пивнущка, и он на каждый праздник приносил учителям и директору огромные подарочные коробки. Парень наконец созрел для разговора и, откашлявшись и переминаясь с ноги на ногу, выпалил:

– Я, конечно, не знаю, как ты это воспримешь, но здесь к

тебе появился интерес.

– Что, какой интерес? С контрольной помочь? – не поняла Лия.

Гога тут же ухватился за эту мысль:

– Как ты угадала?– сгримасничал он. А можно взамен я тебя познакомлю с шикарным парнем? Как тебе такой обмен?

– Дурак, – Лия повернулась чтобы уйти.

– Стой,– схватил ее за руку Гога. – Какой интерес бывает у парня к девушке? Ну, как будто нэ понымаешь, да? – Гога прекрасно говорил по-русски, но любил иногда подделываться под акцент своих сородичей. – Ты же знаешь Рава из соседнего класса? Ну вот он просил узнать, согласна ты быть его девушкой? Лия мгновенно покраснела, такое предложение ей делали впервые. И хотя в книгах подобное не описывали, до нее дошел смысл сказанного. От неожиданности она кажется была готова упасть в обморок.

– Рава меня... со мной? – Лия запнулась.

– А что здесь непонятного. Мне кажется, ты должна быть на седьмом небе от радости. Многие девочки об этом мечтают. Это же сам Рава, – он многозначительно поднял бровь.

Хотя весь его вид говорил о том, что он тоже озадачен выбором друга. Для него эта худющая, как палка, девушка не представляла никакого интереса. Ну подумаешь, глаза зеленые, а так, в целом, второй сорт. В это время Лия представила, что он наговорит после этого в классе. Ведь скорее всего

это постановка, сейчас все ждут и ржут за дверь. Поэтому она собралась с духом и насмешливо спросила:

– Он же там с Валькой танцует?

– Слушай, какая разница, кто где танцует? Скажи свой ответ, и все!

Лия продолжила:

– А когда он это сказал и почему сам не подошел?

– Зачем столько вопросов, и вообще, как он сам к тебе подойдет, а? У нас так не принято.

– У кого это «у вас»?

– Тебе этого знать не надо, ты не поймешь. Говори короче да или нет? Не бойся, я никому не скажу, – он сделал жест, показывая рот на замке.

Лия усмехнулась. Все знали, как умеет Гога “молчать”.

– Ну так скажи ему, что я отказалась.

– Ты что, дура, да? – не понял ее Гога. А потом с неожиданной радостью: – Ты Раве отказываешь?

– Да, так и передай ему и всем, кто сейчас там за дверь. Спектакля не будет. – Она подбежала к двери и рывком ее открыла. Там никого не было. Лия удивленно посмотрела на Гогу, который с любопытством смотрел на нее. Затем быстро выскочила из класса. В коридоре наткнулась на Вальку, та вопрошающе смотрела на подругу и на Гогу, который вылетел вслед за ней.

– Что это вы здесь делаете, а? Лийка, ты что, с Гогой встречаешься?

Та гневно посмотрела на подругу.

– Ничего лучшего ты придумать, конечно, не могла. Ты домой идешь?

Та все еще с недоверием смотрела на них обоих, и Лийка, махнув рукой, побежала в гардеробную. Так закончился Новогодний школьный вечер. Ночью Лия долго не спала – разговор с Гогой не укладывался в ее голове. Она не могла поверить тому, что услышала. Этого просто не могло быть. Но в то же время какое-то сладкое чувство поднималось из глубин ее тела и заставляло ее ворочаться и вздыхать.

Весь следующий день они с матерью и сестренкой готовились к Новогоднему застолью: возились на кухне, убирались, делали последние штрихи на маленькой елке, поставленной в углу зала. Никого не ждали, это был семейный праздник. Но когда стемнело, раздался звонок в дверь.

– Кто это может быть?! – удивилась мать.

– Я открою мам, – Лийка сбросила фартук и побежала к двери. Но уже у самой двери вдруг сердце заколотилось от какого-то предчувствия. Несколько минут она стояла, не шелохнувшись, звонок продолжал звенеть. Тогда она открыла дверь и увидела за ней Раву. Лия широко раскрыла глаза. А он, увидев ее заулыбался, покраснел, что ему было совсем несвойственно.

– Ты как сюда попал? Через забор перелез, что ли? – наконец выпалила она.

– Ну можно так сказать, собака у вас добрая, своих не тро-

гает, – голос его звучал очень уверенно.

Лия удивилась, их овчарка к порогу никого не подпускала. “И когда он стал своим, интересно?” Но только пожала плечами и вопросительно посмотрела на него.

– Вот, хотел пригласить прогуляться, – словно боясь получить отказ, выговорил Рава быстро. – С Новым годом! – он протянул ей открытку и широкий браслет, сплетенный из тонких разноцветных проводов. Такие были у многих девчат в городе. Они попадали сюда из лагерей, где их делали зеки в обмен на папиросы.

– Зачем мне это?

– Ну просто с праздником.

– Ну ладно, спасибо. Только я не ждала, и мне тебе нечего подарить, – Лия неуверенно забрала подарок.

– Да я не жду. Пойдем прогуляемся.

– Но я не выхожу по вечерам, – она виновато посмотрела на парня.

– Да знаю я все про тебя, не бойся, просто погуляем, поговорим, и все, – уверенность к нему внезапно вернулась. Видимо, то, что она не отказалась от подарка, сделало его прежним Равой.

Лия молчала, в голове в это время быстро проносились мысли: «Это продолжение вчерашнего спектакля? А вдруг нет? Вдруг он сейчас ей признается ей..», – от волнения у нее чуть не закружилась голова.

– Пожалуйста, я очень тебя прошу, – повторил он проси-

тельно.

Любопытство пересилило.

– Хорошо, спрошу у мамы. Но только около дома и недолго, – она сама удивилась своим словам. Погулять! С Равой?! Но отступать уже было некуда, вот так, наверное, бросаются в омут.

На улице стоял ранний зимний вечер. Было холодно, блеснул под ногами лед в лужах, падали мелкие снежинки. Они пошли по улице, едва освещаемой желтыми тусклыми фонарями. Он взял ее за руку, она было отдернула, но он не дал.

– Это чтобы ты не упала, – пояснил он вполне серьезно.

Она промолчала.

– Ну так что, не поверила Гоге, – посмотрел он на нее, – или гордая такая?

Лия промолчала, ждала что он еще скажет.

– А ты всегда такая – ледяная, молчаливая?

– Не знаю, может быть, просто потому, что удивлена. Ко мне пожаловал ты, – наконец проговорила она.

– Ну да, это, наверное, действительно невероятное, сам в шоке. А тебе что никто не нравится? Пацаны говорят, что ты другая, чем остальные. Говорят, ты слишком умная.

– А вы нас всех обсуждаете, да? Я думала, только девчонки о парнях говорят, – недоверчиво улыбнулась Лия, и лед между ними, кажется, начал таять. Но Рава продолжал быть настойчивым:

– Скажи, что нужно сделать, чтобы тебе понравиться?

– Не надо ничего делать, – застеснялась она и снова стала неприступной. – Мне никто не нужен, понятно тебе. Я должна учиться, я все равно уеду отсюда. Мне сейчас это неинтересно, понимаешь? – Она взглянула на него, чтобы увидеть его реакцию.

Он не был удивлен ее словами и спокойно парировал:

– Мы все учимся, и я уеду поступать дальше в институт. Но ведь если тебе кто-то нравится, можно же найти время. Мне кажется, это приятно будет обоим.

– А если мне никто не нравится?

– Тогда жалко. Мне вот ты нравишься, и я открыто это тебе говорю. Давно уже нравишься. Но вот никак не мог подойти к тебе, объясниться. Ты же такая недоступная, меня уже все предупредили, что это бесполезно, – он взглянул на нее и, не увидев никакой реакции, замолчал разочарованно. – Ну раз так, хотя бы останемся друзьями. Буду просто твоим защитником. Если кто обидит, сразу скажи. Никто к тебе теперь не подойдет. А может, я вообще никому тебя не отдам, – многозначительно добавил он.

Но Лия уже этого не услышала. Она была сама не своя! Волнение, радость, счастье – все эти чувства были написаны на ее лице. Как? Она нравится самому Раве, он пришел к ней и объяснился? Нет, она этого не переживет. Чистая, доверчивая девушка готова была прыгнуть ему на шею от распирающих ее чувств. А он, видимо, заметив перемену в лице девушки, вдруг наклонился и поцеловал ее в щеку. Лия тут

же взметнулась как огонь.

– Ты это что делаешь? Да как ты можешь? – она вырвала руку и побежала обратно в сторону дома. Но, поскользнувшись на заледеневшем тротуаре, чуть не упала навзничь. Сильные руки успели подхватить ее, он стал бережно и нежно отряхивать от снега ее пальто.

– Ну вот, ты же не можешь без меня обойтись, – тихо засмеялся Рава, глядя на ее растерянное лицо.

Тогда она вдруг тоже рассмеялась, легко и просто. Стена недоверия окончательно рухнула. Он снова взял ее руку и, крепко прижав ее к себе, повел домой. У калитки остановился.

– Пока, Снежная королева, с наступающим Новым годом! – Он снова нагнулся к ней и быстро поцеловал в губы.

На этот раз девушка не сопротивлялась и, быстро ответив: «С Новым годом», юркнула в калитку, махнув на прощание.

Эти слова она еще долго вспоминала ночью, борясь со сном. Ей было то жарко, то бил озноб – первый поцелуй был так мимолетен, но он продолжался и продолжался в ее воспоминаниях, и оттого казался бесконечным. Она снова и снова ощущала эти твердые губы на своих, и Рава теперь был желанным и самым близким человеком для нее.

Глава 3. Предательство

Как назло, каникулы длились долго, и казалось, никогда не закончатся. Лия каждый вечер ждала Раву, но тот почему-то не шел. Девушка не знала, что ей думать. О том, что с ней произошло, она никому не могла рассказать. Она вертела в руках его подарок, даже его она не могла надеть на руку, ведь все стали бы спрашивать, откуда он у нее. А ей так хотелось с кем-то поделиться, ведь такое с ней случилось впервые. С подружкой Валькой своей тайной тоже делиться побоялась, да той и не было в городе – она уехала с матерью куда-то к родственникам. Лия даже похудела, у нее совсем пропал аппетит. Она не спала ночами, проворачивая каждый кадр их с Равой встречи. Судьба словно испытывала ее терпение: как нарочно, к концу каникул она простудилась, у нее началась ангина.

И так получилось, что пришла на учебу неделей позже. Класс встретил ее молча и враждебно. Такая неприязнь со стороны одноклассников больно ударила по Лие. И хотя такое раньше бывало, но в этот раз это было что-то другое. Сердце сжалось в предчувствии беды: неужели Гога с Равой договорились и оклеветали ее. В классе вначале воцарилась гробовая тишина, потом на лицах девчонок появились усмешки, а мальчишки стали переглядываться и кивать в ее сторону. Она молча прошла к своему месту. И тут услышала

в спину: «Потаскуха». Резко повернулась и увидела, что это Наташка Цимбалюк, ее самый главный недруг в классе. Та стояла и с откровенной злобой смотрела на нее. Лия тоже встала. И тут в нее полетел скомканный тетрадный листок. Он ударился об нее и упал под ноги. Лия подняла его, развернула, но тут же волна жара обдала ее. Лия густо покраснела. Это было ее письмо Вальке, написанное еще в восьмом классе. Как оно оказалось здесь сейчас и почему? Ответ могла дать только подруга, и Лия направилась к ней:

– Что это?

Та испуганно затараторила:

– Я не хотела. Они сами нашли в моем портфеле, когда я была на перемене.

Конечно, это было вранье, весь вид взъерошенной подруги говорил об этом, да и никто не осмелился бы залезть к ней без спроса. Лия молча посмотрела на нее и прошла к своей парте. Достала учебник и уткнулась. Весь этот спектакль как будто был продолжением Новогоднего вечера. Она не понимала, за что ей мстили и готова была провалиться сквозь землю. И только гордость не давала ей быть осмеянной и убежать из класса.

Это была придуманная игра между подругами. Глупая, конечно, но у них был период созревания и хотелось романтической любви. Они с Валькой начали писать друг другу письма, в которых описывали свои чувства к несуществующим парням. Каждая придумала себе героя. Лия, которая в то

время бредила военными фильмами, создала историю любви к летчику, который каждый день уходил в полет, и она его ждала. Он приходил к ней с букетом цветов, и они гуляли в парке. Ее возлюбленного звали Алёшей, в ее мечтах он был красивый, нежный, совсем как в кино. Но не зря же Лия любила книги и уроки литературы. Герой из ее писем был настолько реалистичен, что Валька по-настоящему ей завидовала и даже как-то поинтересовалась, а не встречается ли она с кем-то взаправду? История выглядела правдиво еще и потому, что у них в городе стояла летная эскадрилья. И молодые ладные ребята в красивой летной одежде горделиво вышагивали по улицам их городка и свысока посматривали на местную молодежь. Тайная переписка будоражила воображение, мечты о любви уносили в запредельную даль. И вот теперь все это оказалось на слуху у всех одноклассников. И это теперь, после первого поцелуя! После ожидания романтической любви, которая, наконец, пришла и к ней!

Урок математики был испорчен, все только и шептались, глядя на нее с усмешками. Лия едва дождалась конца урока и выбежала в коридор. Ей хотелось бежать куда глаза глядят, лишь бы не слышать и не видеть всех этих завистливых и злых глаз. В конце коридора она вдруг увидела Раву. Он стоял в толпе девчонок, и они чему-то громко смеялись. Наверняка тоже обсуждают и смеются над ней, такого позора от предмета своей любви она не могла вынести. Слезы брызнули из ее глаз, и она кинулась к выходу. Она не увидела, как

Рава оторвался от толпы и пошел по направлению к ней, но, не успев ее остановить, развернулся и пошел в направлении ее класса. Вид у него был встревоженный. Столкнувшись с Гогой, позвал того на улицу, в привычное место за школой, где все собирались на перемене.

Валька пришла к ней после уроков, в руках у нее был забытый подругой портфель.

– Как ты могла? Почему сейчас, столько времени прошло, – запуская ее домой, не могла успокоиться Лия. – Мы же уже давно забыли про это? Что я тебе сделала такого?

– Ну ладно, прости меня, честное слово, я просто положила в книгу, и, наверное, кто-то открыл и увидел. Ты же знаешь эту Наташку, она такая завидующая. Не знает, чем еще тебя подколоть, – не моргнув глазом сочиняла в ответ та. – Вот увидишь завтра никто и не вспомнит.

– С чего это вдруг, – вытирая слезы гнева и обиды, удивилась Лия. – Когда такое было, чтобы за один день забыли. Это же сенсация городского масштаба: у Касьяновой воздыхатель взрослый парень! Не дай бог дойдет до директора, мама узнает об этом.

– Я тебе говорю, завтра никто слова не скажет. Ты знаешь, что Рава заставил всех замолчать и пригрозил всех побить. Говорят, после уроков они с Гогой чуть не подрались, но потом пришли к соглашению. Гога потом с Наташкой шептался долго. Еще бы, одна шайка-лейка. Вот если бы у меня был такой заступник, – внезапно закончила она с завистью. И тут

же напала на подругу: – А у тебя точно с Равой ничего нет? Чего это он вдруг с Гогой чуть не подрался?

Но Лия сама стояла с каменным лицом, ничего не понимая. Но подругу трудно было успокоить.

– Ты даже не мечтай о нем и не рассчитывай ни на что, его ведьма-мамашка никого в дом не впустит без ее позволения. Ей нужна татарка-работяга, которая будет пахать на нее день и ночь. Ты видела их дом? – не дожидаясь ответа, продолжила: – Этот дом и за неделю невозможно будет убрать. Да мне бы туда попасть, я бы знала, что с ним делать, – добавила она мечтательно.

Лийка никогда не видела дома Равы, но тайн в их маленьком городке не было. Его семья жила в поселке, основанном ссыльными татарами, но в последнее время здесь уже селились и строили дома вся местная знать, сколотившие капитал на торговле стройматериалами и возведении большой плотины. Но дом Ходжиакбаровых считался самым богатым. У них уже в то время был цокольный этаж, подвальное помещение под всем домом, где вполне можно было жить, даже если бы началась ядерная война. Правда туда с улицы никого не пускали, поэтому судили только по внешнему виду строения. Люди шептались, что глава семьи возвел этот дом, воруя материалы со строительства ГРЭС. Справедливости ради надо сказать, оттуда тащили все, в зависимости от положения, так что ничего предосудительного в этом никто не видел. Все эти подробности Лийка не знала, ее это не ин-

тересовало. Поэтому слова подруги пропустила мимо ушей. Ее больше волновала эта история с письмом, которое могло всплыть еще где-нибудь. Поэтому она потребовала Вальку вернуть их ей.

– Какие письма, ты что? Порвала сразу же, – безмятежно заявила та и засобиравалась домой, посчитав свою миссию законченной. – Ты лучше давай, подруга, возвращайся в школу, до выпускного осталось всего ничего, готовиться надо, – с этими словами она ушла.

Лийка еще долго смотрела в окно, провожая фигуру подруги и завидуя ее непосредственности и легкости отношения к жизни.

Валька

А Валька в это время шла домой и глотала слезы. Она сейчас ненавидела Лийку за ее надменность, начитанность и красоту, к которой та, кажется, относилась весьма беспечно.

«Вот и сейчас вела себя так, как будто ей было все равно, как относится к ней Рава. Но меня-то не проведешь. Подумаешь, красавица писаная».

Она заметила, что парень в последнее время сильно изменился. Он перестал появляться на танцах в клубе, у него вдруг не стало очередной пассии.

Куда он их подевал, что с ним приключилось, задавалась она вопросом и внимательно продолжала наблюдать за ним. Он ей нравился уже давно. И она мечтала, что когда-нибудь Рава обратит на нее внимание. Валька считала себя достаточно привлекательной девушкой, у нее было все для этого: рост, фигура, лицо пусть и с конопушками, но милое и симпатичное. К тому же она была веселой, задорной, могла метко сразить красным словцом любого нахала. Но с парнями ей не везло, и она не понимала, почему к ней относятся несерьезно. И чтобы выглядеть взрослее, она первой в классе стала красить ресницы тушью и пользоваться тоналкой. Одевалась как можно заметнее, благо что в старших классах уже не особо обращали внимания на школьную форму. Первой стала носить короткие юбки, которые открывали

ее стройные белые ноги, первой пришла в школу на высоком широком каблуке, который входил в моду, и сразу стала объектом зависти девчонок. Ей подражали все, вокруг нее всегда толпились самые модные и хорошо одетые одноклассницы. Они обсуждали и кидали заинтересованные взгляды на одноклассников и ребят постарше. Рава и Гога, конечно, были главными источниками всех сплетен. Ими любовались исподтишка, строили им глазки, старались почаще попасть на глаза. Но если Гога был рядом и его можно было достать рукой, то с Равой было сложнее, он учился в параллельном классе и не всегда заходил к ним. Но с недавних пор его поведение резко изменилось, и Валька наметанным глазом это засекала. Во-первых, он под предлогом поиска Гоги все чаще стал заходить на переменах. А ведь раньше особой дружбой с ним не отличался. Во-вторых, уже не отпускал шуточки в сторону девчонок и не метал красноречивые взгляды в их сторону своими синими глазами.

Но однажды она поймала его взгляд на них с Лийкой. Увидев это, обрадовалась и замерла от счастья. Стала кокетливо улыбаться ему в ответ, вставать в красивые позы, выгодно показывая свои ножки. Но затем поняла, что его объектом на самом деле была подружка. Это на нее он смотрел влюбленными глазами, и, чтобы никто не заметил, быстро переводил взгляд на Вальку. Ее в этом деле обмануть было нельзя. И утренняя история с Лийкой только укрепила ее подозрения.

Вот ведь гад. Не стесняясь, стал выпрашивать у нее Лий-

кины письма. Еще и пригрозил, что, если она кому-нибудь скажет, пожалует об этом. Вырвал их у нее из рук, как сумасшедший, и жадно стал читать. Валька вспомнила, как менялось его выражение лица при этом: оно становилось то удивленным, то строгим, то загадочным.

С этой минуты Лийка перестала быть ей лучшей подругой. Она теперь была ей соперница и даже враг. Валька с ненавистью думала о том, какие у нее длинные ноги, большие зеленые глаза, и вообще вся она была такая правильная. Еще и отличница! Лия туда, Лия сюда, как будто в школе не было никого другого. Ее засовывали во все мероприятия, олимпиады, пионерские зарницы.

Сама Валентина к учебе относилась как к чему-то назойливому и абсолютно ненужному действию. В институты она не собиралась, и главной ее целью в жизни было выйти удачно замуж. До недавнего времени идеальным ей представлялся их семейный очаг. Мать ее была уральской казачкой, получившей диплом библиотекаря, который ей казался верхом образованности и культуры человека. Она возглавляла родительские комитеты на протяжении всей учебы дочери, что, конечно же, помогало той успешно переходить из класса в класс. К тому же была в курсе всех событий, которые происходили с ее сверстниками. Как при таком надзоре Валька умудрилась не быть домашним ребенком, а скорее была хулиганкой и оторвой, одному богу было известно. Лийку мать не привечала, так как считала неполную семью источником

всех бед, но терпела, потому что та помогала дочке с учебой.

Ее мужем, отцом Вали стал русский парень из Орла, который попал сюда на механический завод по распределению, где его и охмурила будущая супруга. Семья была на удивление дружной, радушной в основном благодаря мужу, который был очень открытым и благодушным человеком. Он на заводе был начальником цеха и возглавлял профсоюзную ячейку, поэтому они жили в достатке. Валька каждое лето ездила в лучшие пионерские лагеря, отдыхала с родителями на море. А еще он великолепно играл на аккордеоне, и многочисленные гости дома не только ели фирменные пироги с рыбой от бабушки-казачки, но и плясали до упаду и пели растяжные народные песни до утра. Казалось, так будет продолжаться вечно и ничто не угрожает этой спянной семейной ячейке. Но, как всегда, беда пришла, откуда не ждали.

Однажды Елене Ивановне подруга шепнула на ухо, что ее благоверный был замечен в обществе секретарши директора завода. Он якобы подвозил ту вечером домой. Ивановна прикинула и вспомнила, что в этот вечер муж пришел домой довольно поздно, а подумав еще, поняла, что ее любимый Сашенька вообще уже давно задерживается по вечерам. Разразился скандал, вследствие которого отец Вали собрал чемодан и ушел. И больше не вернулся. Обиднее всего Елене было, что он забрал с собой недавно купленную машину – «москвич», который был особой гордостью семейства. Валька по вечерам плакала вместе с матерью и ругала отца-из-

менника. И однажды, нечаянно встретившись с отцом, рядом с которым стояла счастливая молодая женщина, люто того возненавидела и твердо решила, что она не повторит ошибок матери.

Ей уже шел восемнадцатый год, она была здоровой, симпатичной, вполне зрелой девушкой. На нее всегда обращали внимание парни, особенно кавказской национальности и корейцы. Первые будили в ней чувственность своим темпераментом, и поэтому она сразу же ответила взаимностью однокласснику Гоге и не возражала, когда однажды он лишил ее девственности на одной из вечеринок. Но этот опыт не принес ей особой радости, темперамент оказался сиюминутный и расточался на всех, а она еще долго страдала от отсутствия внимания с его стороны.

Больше она никого до себя не допускала. У нее были свои ожидания от жизни, которая когда-то обязательно должна была ей подарить лотерейный билет. А пока она встречалась с корейским мальчиком из соседней школы по имени Илья. Он был из тех, чьи родители в шестидесятые объявились в этих краях, то ли репрессированные, то ли переселенцы. Поначалу эти корейские семьи ютились в мазанках, которые плодились очень быстро, и вскоре это был целый поселок, который в народе называли шанхаем. Корейцы были трудягами, они почти весь год работали на полях, выращивали рис, лук, арбузы, старики со временем начали продавать излишки на базарах, и это позволяло им неплохо зарабаты-

вать. Детишки корейские были дружные, спортивные, занимались в секциях, они первыми стали создавать свои небольшие группировки, которые занимались грабежами или просто дрались за девушек и за территории. Конечно, такими были не все. Но Илья был одним из лидеров шпаны, которая была ни за что и просто так по настроению и уже тогда держала шанхайских в своих руках. Когда он в один из дней предложил дружбу Вальке, ей это польстило. Теперь она всегда стояла в группе сильных, низкорослых, с узкими глазами ребят, и никто посторонний не мог к ней подойти. Они провожали и встречали ее из школы, ходили с ней в кино, она могла запросто приходить к Илье домой, где никогда не было родителей и устраивались вечеринки до утра. Однако вскоре ей все это надоело, ее кавалер казался ей слишком примитивным, много пил и курил. А главное, ей не нравилось, что ей ничего не разрешалось, он был везде с ней и дико ревновал ко всем. В это время на ее глазах расцветал, превращался в сильного, красивого, уверенного в себе парня Рава. Он не был хулиганом, не дрался на улицах за девчонок. Вместо этого занимался боксом, хорошо учился, единственный из мальчишек, кто ездил на школьные олимпиады.

И самое немаловажное для Вали – он был из хорошей семьи, о которой все отзывались с подбострастием и уважением. Она считала, что если попадет в такую семью, то все в ее жизни будет налажено и никогда не будет тревог и забот. Правда пока она еще не придумала, как сможет удержать его

возле своей юбки, уж слишком ярким был пример собственного отца. А теперь еще неожиданно-негаданно появилась преграда ее мечтам в виде этой босоногой Лийки. В Валькину голову с трудом помещалась мысль о том, что такая незаметная, тихая девчонка могла заинтересовать первого парня на их районе.

«Господи, да ты смеешься надо мной, что ли», – думала она, глядя в зеркало и расчесывая свои великолепные густые волосы. Где она и где Лийка? Ну разве можно их ставить на один пьедестал? «Не бывать такому никогда!»

Глава 4. Выпускной

Подходил к завершению последний учебный год. На улице стояла жаркая погода, дождей, весенней грозы не было весь май месяц. Все в школе были возбужденные, разговоров только о том, кто куда едет поступать. Таких в классе было немало, хотя основная масса, конечно, шла на стройки. И вот он долгожданный выпускной. Лия с утра начала готовиться к вечеру: мама дошивала наряд дочери, а они с сестренкой, запершись в комнате, придумывали, какую ей прическу сделать и как подкрасить глаза. Сестренка была за модные черные стрелки, и Лия не стала спорить.

Вскоре мать принесла платье – Лия оглядела себя в нем и осталась довольна. Оно было из японского шелка, дорогого и дефицитного в то время материала. На белом фоне были разбросаны тюльпаны и по подолу поднимались зеленые веточки. По талии был пропущен поясик, который завязывался на спине в бант, а рукава прихвачены фонариком. Мать и сестренка в один голос восхитились: «Какая красивая! Со всем как Наташа Ростова!» В их семье все любили эту героиню, и Лие было дорого, что близкие люди сравнили ее с ней.

У нее поднялось настроение. Она видела свое изображение в зеркале: высокая девушка с тонкой осиной талией, лебединой шеей и огромными зелеными глазами на бледном лице. Лия сама почувствовала, как она хороша. Недоставала-

ло только высокого бюста – Лия вздохнула, это было ее слабое место. Все девчонки класса за последнее время округлились в нужных местах, у Вальки вообще был третий размер, и она часто демонстрировала свое декольте подругам. И только у Лии бугорки только-только начали появляться. Но сейчас даже на это ей было наплевать. Она боялась другого – неужели и сегодня, в последний день, одноклассники оставят ее в гордом одиночестве. Она понимала, что отчасти виновата во всем сама – нельзя было выпячивать себя, надо было быть проще и ближе к ним. Стать своей в доску, и тогда ей простили бы все: красоту, гордость, ум.

И снова вспомнился Рава, их единственная встреча. С тех пор словно прошла вечность. Ни разу он к ней не подошел, ни разу не глянул в ее сторону. Он похорошел еще больше за последний год – вытянулся, возмужал. Девчонки говорят, что он решил пойти в армию. Но она помнила, что он говорил ей про институт, что хочет уехать из города. Что случилось с его планами?

«Ну и пусть, все равно он мне не нужен», – про себя сказала Лия своему отражению в зеркале. Ее роскошные русые волосы были заплетены в толстую косу и показались ей уж совсем несовременными.

– Ростова так Ростова, – сказала тогда она своему изображению и, распустив волосы, собрала их вновь в пучок на самой макушке. В довершение отрезала длинную до бровей челку. Получилось, как в кино у актрисы, которая играла

ее любимую героиню. Теперь она чувствовала себя намного увереннее и подумала, не пойти ли ей в актрисы? То-то все удивятся. А кое-кто будет кусать локти!

Она одернула себя: хватит все время думать о нем. Вот возьмет сегодня и закрутит любовь с Гогой! И тотчас испугалась такому предположению. Нет, ни за что. И вообще какая любовь, ей нужно учиться. С такими мыслями она стала собираться.

Актный зал, казалось, стал больше от яркого света и шаров, и от обилия красивых разнаряженных девчонок, и смущающихся от парадной одежды парней в черных костюмах, стоящих в сторонке отдельной группой. Мальчишки многие, кажется, были уже в подпитии – манящая впереди свобода заставила забыть обо всех приличиях. Все были подстрижены, даже побриты, тоже впервые. Сегодня у многих был шанс закадрить любимую девчонку, сказать о давних чувствах. Те это чувствовали и выглядели недоступными, хотя нет-нет бросали зовущие взгляды в сторону толпы сверстников.

Но чем ближе торжественный момент, тем обильнее слезы прощания и краска от ленинградской туши по всему лицу – ах, эта школа, ну почему ты ее так любишь только в последний день! И мальчишки напились оттого, что боятся признаться в своей любви к этой старенькой, так много повидавшей школе и ее директрисе Зое Ивановне, этой грозной силе и защите одновременно. Она стоит на сцене и усталым взглядом матери осматривает своих выпускников. Еще один

выпуск, еще одно прощание. Правая рука директора, завуч Марьюшка, или Марья Васильевна, начинает приглашать на сцену лучших. Их немного. Лия идет в списке среди первых. У нее золотая медаль. Но аплодируют ей с неохотой, и она, глядя со сцены на лица одноклассников, видит их открытую неприязнь и зависть. Слезы одна за другой покатались у нее из глаз. Произносят фамилию Равы. Он поднимается к ней и становится рядом. У него всего лишь серебро, но все бешено ему аплодируют, свистят. Конечно, он любимчик всех, и он, широко улыбаясь, радостно всем машет, а потом поворачивается к ней и демонстративно обнимает на глазах у всех.

– Поздравляю, – тихо шепчет он ей в ухо. – Ты заслужила это. Смотри прямо и гордо. – И взяв ее руку, поднимает вверх.

Зал взрывается аплодисментами. Лия благодарно смотрит на своего спасителя, а он кажется уже забыл о ней, бегом спустился в зал, где его встречают с распростертыми объятиями.

Начинается бал выпускников. И к Лие подлетает Гога:

– Можно тебя на танец.

– Ну конечно, можно, сегодня все можно, – радостно улыбается девушка.

Она никогда не танцевала на школьных вечерах и сейчас ей хотелось восполнить упущенное и танцевать с каждым, кто ее пригласит. Даже с Гогой. Они втискиваются в толпу танцующих. Лия счастлива, она забыла о всех перенесенных горестях и травмах школьной жизни. В этот момент она пой-

мала на себе взгляд Равы. Она не поверила своим глазам, но, когда вновь повернулась в его сторону, увидела, что он в упор смотрит на нее. Лия благодарно улыбнулась ему за счастливый миг на сцене, но он резко отвернулся. Что он с ней делает, сердце Лии забилося от обиды и непонимания. Почему он с ней играет в непонятные игры? Никто его не тянул за язык тогда, сам признался, что она ему нравится. Так что же случилось?

И Лия гордо отвернулась. Когда она вернулась на место и снова посмотрела в его сторону, тот в кругу девчат чему-то веселился, обнимал всех подряд и, кажется, был доволен всем происходящим. Настроение у Лили совсем упало, глупо было ждать от этого ловеласа что-то другое. В это время к ней подлетела Валька.

– Ты идешь с нами?

– С кем и куда?

– На затон, рассвет встречать. Так принято со времен первых выпускников города.

Она обреченно пожала плечами. А что, у нее есть предложение получше?

– Но почему на затон?

– А куда еще, там знаешь, какой рассвет, все как на ладони!

Откуда же ей было об этом знать, домоседке. Пока она прощалась с учителями, они с Валькой разминулись. Уже у выхода она столкнулась с Равой, тот уступил ей место и

как будто собирался что-то сказать, но тут его позвали, и он быстро исчез в проеме двери.

И вот они небольшой гурьбой идут к затону. Дорога туда неблизкая, к тому же фонари здесь уже не светят да вместо асфальта щебенка и пыль. Туфли-каблучки давно скинуты, подошвы подобраны, но все это ничто перед ожиданием чего таинственного и нового, что связано со встречей рассвета. Завтра начинается взрослая жизнь!

На самом деле затон – это небольшой залив, куда во время разлива затекала вода из их своенравной бурной реки. Купаться в самой реке было опасно, зато залив был спасением во время несносного летнего зноя. Правда взрослые сюда детей обычно не отпускали, считали, что здесь собираются праздные компании с девушками легкого поведения. Но они все же прибегали сюда, чтобы насобирать ракушек, поймать раков. Вода здесь, в отличие от самой реки, была прозрачная, чуть пахивала тиной и рыбой. Вдоль берега стояли несколько баржей и старый пароход, которые когда-то были отбуксированы сюда и нашли здесь вечный покой. Лия была здесь как-то с Валькой, приходили позагорать.

– *Слушай, а давай наперегонки на тот берег,* – сказала тогда Валька.

Лия оценивающе посмотрела туда: далекоовато. Но дух состязательности в ней был всегда, и она вскочила...

– *Давай, только, чур, от меня далеко не отплывай.*

Когда они почти доплыли и до берега оставалось всего ни-

чего, их взорам открылась дикая и прекрасная картина: двое молодых тел лежали на песке почти совсем обнаженные. Он склонился над ней, и они целовались. От увиденного у Лиш свело судорогой ногу, и она, захлебнувшись, стала тонуть. Валька не растерялась и, схватив ее за волосы, вытащила на берег. Они буквально упали на прибрежный весь в гальке песок, и от пары их отделяла только старая перевернутая лодка вся в прорехах. Но этим двоим ничто не мешало, было видно, что они не могли насытиться друг другом. Валька временами бросала туда любопытные взгляды и комментировала шепотом происходящее, а Лишу всю трясло от того, что их увидят. Она еще долго помнила эту прекрасную картину, свой испуг и странное волнение.

Сейчас затон был другой – темный, страшный. Крупные звезды повисли над ним, создавая мигающий желтым цветом полог. Было слышно, как колыхалась темная вода то ли от всплеска рыбешек, то ли ударяясь о берег. Вся толпа высыпала на берег, кто-то полез в воду и стал брызгать в девчонок. Раздались визги, хохот, и всем стало весело, страх темноты пропал. Все взобрались на баржу, сделали импровизированный стол, набросали невесть откуда взявшиеся хлеб, колбасу, мальчишки вытащили бутылки с шампанским и вином. Одноклассник Витька забренчал на гитаре и запел хриплым голосом, подражая известному певцу.

– Давай что-нибудь веселенькое, – Наташка Цимбалюк схватила Серёжку Зырянова и стала плясать с ним что-то

быстрое. Все тоже повскакивали и начали прыгать, бегать по палубе. Все разом захмелели, выпитое ударило в голову, и вот уже все понемногу разбредались в темноту. Валька тоже с кем-то исчезла, и Лия уже подумывала, как ей отсюда выбраться. Было не по себе. Она пошла на берег, но он был пуст. Стала звать одноклассников по именам, но никто не отзывался. Лие стало не по себе.

– Валька, – крикнула она снова негромко, – ты где? Эй, кто-нибудь, отзовитесь! – от страха подогнулись колени, она присела на корточки и стала ощупывать землю. Как назло, еще недавно светлая луна и яркие звезды вдруг исчезли, и вместо неба была черная дыра. Под рукой был мелкий сыпучий песок – значит, она отошла от берега в дюны. Надо идти обратно к берегу, и по нему определить направление. Она стала подниматься, но в это время на нее кто-то навалился. Оба упали и стали барахтаться в песке. Лия делала попытки вырваться, но это ей не удавалось. В этот момент она оказалась на спине, насильник воспользовался этим и тут же заломил ее руки над головой, а сам другой рукой стал поднимать ей платье, пытаясь снять трусики. Лия упорно сопротивлялась, она стала кричать, попыталась ударить его ногой. Но тот уже прочно сидел на ней, а ей мешала темнота, она к тому же ничего не видела от слез и страха. Но этот же страх придавал ей силы, она ужом вертелась под тяжелой ношей, не давая тому справиться с собой.

– Ну хватит, ты меня достала, – пьяный голос принадле-

жал Гоге. – Сама же сказала, что сегодня все можно. И что теперь, передумала?

– Гога, это ты? Ты дурак? Я же не это имела в виду! – от ужаса она осипла.

– А я, как видишь, это имел в виду. Давно уже хотел, да случая не было. А ты думала, воображать будешь вечно? – ему наконец удалось стянуть с нее трусики, и он с новой силой надвинулся на нее. – Ты хотела Раве достаться, да? Этому олимпийцу недоделанному? – он противно хохотнул. – А достанешься мне, – он снова хрипло засмеялся, чувствовалось, что он был сильно пьян. Она почувствовала его волосатые и неловкие еще мальчишеские руки у себя на бедрах, и ее стало трясти как от холода.

– Гога, миленький, не надо, – она решила, что можно его остановить уговорами. – Давай пойдем домой, попьем чаю, согреемся, – она сама не знала, что говорила, силы ее иссякали, и в конце концов не выдержала: – Пусти меня, подлец, слышишь?! Ты не посмеешь, гад!

Но тому уже было все равно, он был пьян и раззадорен. Его кавказская кровь кипела от вида и запаха невинной девочки. Он кое-как расстегнул ширинку на брюках, стал одной рукой стаскивать с себя штаны. Лию от ужаса происходящего почему-то сильно затошнило, и ей стало понятно, что сейчас может произойти непоправимое.

В этот момент кто-то третий споткнулся об них и упал, но быстро вскочил и стал стаскивать Гогу. Лия помогала, ру-

ками и ногами пихая насильника. Наконец те откатились в сторону, молча борясь друг с другом. Этого было достаточно, чтобы Лия вскочила, но от ужаса пережитого ноги ее не держали, и она, усевшись в песок, горько заплакала. Схватка была недолгой, учитывая состояние Гоги, и тот, матерясь и покачиваясь, скрылся за дюнами. Ее спаситель подошел к ней и подал руку:

– Вставай, – голосом Равы сказал спаситель.

Ну конечно, кто же еще мог быть свидетелем ее позора. Герой, красавчик! Как она сейчас ненавидела их всех.

Она попыталась от него отмахнуться, но потом вскочила и повисла на нем, зарыдав громко, с надрывом. В этих слезах было все: обида, отчаяние, разбитые надежды.

– Почему со мной, – повторяла она, – почему я, почему меня? – И без перехода отчаянно: – Меня еще никто не целовал, кроме тебя, ты мне веришь? – она оторвала свое лицо от его груди и заглянула ему в глаза. Уже светало, и она близко от себя увидела такие знакомые, любимые глаза. Как она мечтала об этом в темные зимние ночи, когда не могла уснуть. Но Рава, судя по выражению его лица, не собирался быть ее духовником.

– Пошли домой, – глухо сказал он.

– Ты что, мне не веришь? – Лия снова вцепилась в него.

– Да отвали ты от меня, – вдруг сорвался на крик парень.

Он отцепил ее руки. Это было так ужасно, что девушка отпрянула.

– Ты, доверчивая идиотка, достала уже меня. Да ты заслужила такого обращения к себе, ты достойна только таких вот пьяных козлов. Что ты себе возомнила? Тебе подавай герцогов, графьев, чтобы ручки тебе целовали, цветочки дарили. Ты где живешь вообще?

– Ты чего это, Рава? – девушке показалось, что все это происходит не с ней.

Но тот уже ничего не слышал.

– А нет, тебе же летчиков хочется, вот с кем бы ты была счастлива! Как там у тебя в письмах было: «мой любимый, родной Алёша!»

– Что? – лучше бы она не слышала этих слов. А ведь мгновение назад она готова была любить Раву до конца жизни. А он, оказывается, читал ее письма? Как он посмел?! Ударив его по лицу, она развернулась и побежала прочь.

Наступало серое, мрачное, совсем не весеннее утро, и вокруг все отчетливей были видны степь и река. Вот ее спасение, подумала Лия, река, которая все смоет, очистит ее. Она бросилась в воду и стала плыть на середину, но вскоре почувствовала, как руки Рава схватили ее и потащили к берегу. Она отчаянно вырывалась, но он был сильнее. Они уже были на берегу, когда грянул гром и спасительный майский долгожданный дождь хлынул как из ведра. Разом остановившись и посмотрев друг на друга, схватились за руки и побежали к старой знакомой лодке. Сидя под ней, они видели в прорехи, как сверкала молния и о берег ударялись разбу-

шевавшиеся волны. Мокрое платье прилипло к телу Лии, и она начала потихоньку дрожать. Увидев это, Рава обнял ее и попытался согреть, крепко прижимая к себе. Он был без рубашки, было видно его мускулистое тело. Оно было напряжено. Лие показалось, точнее, она ждала, что он поцелует ее. Так было в книгах и фильмах. И она была готова к этому. Но он вдруг спросил:

– А откуда ты придумала этого летчика и почему Алёша?

Она посмотрела ему доверчиво в лицо и призналась:

– Помнишь фильм «Баллада о солдате», там герой Алёша, такой красивый был.

Рава, конечно, не помнил. Да вряд он смотрел его.

– Ты живешь в другом мире. Тебе нравится читать книги, влюбляться в киношных героев, но в жизни все не так, неужели ты не понимаешь? – глухо сказал он.

Девушка оторвалась от него.

– Как в жизни? – голос у нее задрожал от негодования.

– А вот так, – сказал он, махнув рукой в сторону затона, напоминая о событиях ночи.

– Так значит? Вот как ты думаешь обо мне?! – Лия оттолкнула его от себя. – А может, тоже хочешь меня попробовать? А что, давай, ведь сколько девчонок о тебе мечтает, а я вот она, здесь?

Рава оторопел и смутился.

– Вот так-то лучше, – сказала Лия удовлетворенно и стала вылезать из-под лодки. Дождь так же внезапно, как и начал-

ся, прекратился. Стало светло. Они стояли друг против друга еще несколько минут назад почти любимые, а сейчас как непримиримые враги. Ее уже понесло, и она не могла остановиться.

– Что, мамочку боишься? Ну, конечно, вам же подавай скромную, безмолвную работягу из приличной семьи, чтобы слова не могла сказать. А здесь неженка, которой цветочки на праздники надо дарить, – она гордо засмеялась от своей наглости и посмотрела на стоящего перед ней парня. И оторопела от перемены, произошедшей с ним.

Он в упор смотрел на нее безразличными ставшими стальными глазами и жестко произнес:

– А мне такие, как ты, не нужны, пусть с тобой Гоги забавляются. Я предпочитаю хороших девочек. Пошли давай, пока снова не вляпалась в историю. Мне надоело тебя спасать.

И Лия обреченно повиновалась. Она тоже от всего устала, и ей хотелось одного, чтобы этого утра больше не было в ее жизни. Он снова крепко держал ее за руку, как тогда зимой, словно боялся, что она убежит. А ей хотелось, чтобы он ее обнял, прижал крепко к груди, ей просто хотелось, чтобы ее пожалели и поняли. И просто любили! Но Рава молчал, и девушка покорно шла за ним, как нашкодившая девчонка. Уже дома, стоя у дверей, она тихо сказала ему:

– Я уеду, не бойся. Ты больше меня не увидишь! – И добавила: – Жаль, что Алёша очень похож на тебя.

И не глядя на оторопевшего от ее слов парня, забежала

ДОМОЙ.

Глава 5. Расплата

Рава пришел к себе и долго не мог уснуть. Он вообще не любил спать по утрам, и эта ночь выбила его из колеи. Тогда он встал, по привычке добежал до канала, проплыл несколько километров и вернулся, когда весь дом уже проснулся. Шум говорливой матери и тихий голос отца пробудили в нем нежные чувства, он любил своих родителей.

Предки Равы в революцию были репрессированы и переселены в эти края. О чем его родители предпочитали не распространяться. Родители всегда помнили об этом событии из рассказов близких и берегли редкие реликвии той жизни, в основном фотографии. Бабушка Равы происходила из семьи знатных купцов и очень гордилась тем, что когда-то даже была на приеме у губернатора Оренбурга, где был сам царь Николай II. У нее каким-то чудом сохранились серебряные монеты с его портретом, и все ее воспоминания были о дореволюционной жизни. По ее словам, жили они богато, им принадлежало много земель, торговых предприятий. Но с приходом революции знатность закончилась, а НЭП и во все семью раскулачил, и новые люди выслали их в эти забытые богом места.

Советскую власть они тихо ненавидели, но быстро поняли, что здесь с ней можно договориться. А главное, они смекнули, что их образование дает им кучу привилегий в этом

краю, где местное население было сплошь безграмотным. Это были тяжелые времена выживания, но их спасала огромная тяга к жизни, они верили, что когда-то все вернется на свои места. Со временем дед Равы стал директором первой школы, выучил своих детей, они стали немногими, кто в то время закончил институты. Будучи студентом, его сын стал комсомольцем, тоже немислимое дело детей раскулаченных, но, видимо, край этот был так далек от центра, что его руки просто не дотянулись до сих мест. Потом отец Равы вступил в партию, и карьера пошла. Был начальником стройки, а потом с появлением гидроэлектростанции возглавил ее. Татарские семьи были крепкими и духовно, и материально, чем вызывали зависть со стороны разномастного здешнего населения. Духовность они поддерживали чтением книг на своем языке, и в первую очередь Корана, который к восьмидесятым годам запрещали только публично. На всех мероприятиях от свадьбы и до похорон не обходились без священников, которые совершали обряды и скрепляли браки. Татарские муллы были очень грамотны, поэтому им беспрекословно верили и делали все, что они говорили.

Мать Равы была властной женщиной и, в отличие от отца, не получила светского образования. Но дома командиром была она, и ее громкий голос был слышен порой во всем поселке. Отец же, наоборот, был человеком незаметным, интеллигентным, говорил тихо. Удивительное дело, его все слушали и подчинялись. На работе его знали как одного

из самых компетентных и грамотных специалистов, под его началом работала не одна сотня людей. Но домой он приходил усталый, поздно и превращался здесь в подкаблучника жены. Называл ее «аникай», что означало мамочка по-татарски, и никто в доме этому не удивлялся.

Рава был младшим, сестра была намного старше его. Мать души не чаяла в единственном сыне, продолжателе рода. К тому же своей статностью и светлым обликом пошел в деда по материнской линии. За это ему прощалось все. Ему единственному аникай разрешала делать все, за что другие могли быть наказаны, но удивительное дело – балбесом он не стал. «Все-таки гены – великое дело», – с гордостью глядя на сына, думала она. Да и мамочка на самом деле зорко следила за ним. Ведь на него возлагались большие надежды: он должен был продолжить дело отца и когда-нибудь стать крупным начальником. А может даже пойти по партийной линии, что считалось самым большим везением. До поры до времени Рава тоже так думал, он занимался спортом, старался хорошо учиться, все в его жизни было расписано по часам.

Но в шестнадцать лет с ним что-то произошло. Он все чаще стал пропадать вечерами, его стали встречать в компании девчонок не самого лучшего поведения. Аникай вначале попыталась воздействовать на него словами, потом подзатыльниками, но без пользы. В одном она была непреклонна – домой он должен привести только невестку-татарку. Причем ту, которую она ему укажет. А таких было не так много.

Хоть все здешние татары жили компактно и никак не хотели ассимилироваться с местным населением, жизнь диктовала свое. Все чаще их дети женились на русских девушках или убегали с русскими парнями. И скромницами молоденькие красавицы-татарки не очень хотели оставаться. Но мать Равы методично выискивала среди них одну-единственную, которая должна была стать ее невесткой и ее рабой. Но она была все же мудрой женщиной. Поэтому, посоветовавшись с врачом, своей старшей дочкой, она перестала давить на любимого сыночка.

– Гормоны, – сказала аникай, – перебесится, и все пройдет. Какие его годы!

И стала еще внимательнее и нежнее к сыну.

И того действительно уже через год нельзя было узнать. Он стал еще больше следить за собой, вернулся к тренировкам, стал посещать досафовский авиамодельный кружок. И в один прекрасный день уже перед самыми выпускными экзаменами ошарашил родителей: «Иду в летчики».

У аникай отвисла челюсть, а папа вдруг громко заговорил на русско-татарском каламбуре: «Син, балакай, чего?» («Ты что, сынок? (тат.)») И вдруг, сняв очки, стал старательно вытирать глаза, которые стали неожиданно красными. Мать тоже повела себя не как обычно – расплакалась. Этим они просто его сразили. Он всегда считал своих родителей очень сильными людьми. И только потом понял, что они не могли представить себе, что могут потерять сына. Ведь летчики по-

рой погибали, и свидетельством тому была могила на их городском кладбище, где был захоронен экипаж самолета, который упал практически на глазах всего города.

Но его родители не знали главного, что только летчика видела в своих снах девушка, которую он полюбил. Удивительно, что до десятого класса он не обращал особого внимания на Лию. Но однажды в соседнем классе вдруг увидел ее. Скромную, незаметную. Но на самом деле самую красивую девчонку из тех, кого он встречал. Несмотря на то, что он всегда выбирал себе в подруги самых ярких, самых безбашенных девчонок, в душе он мечтал повстречать вот такую девушку. Нежную, возвышенную, с натуральными русыми волосами, с большими зелеными глазами. Он даже удивился тому, что Лия была словно списана из его глубоко спрятанной внутри себя мечты. Это не были гормоны, о которых говорила мать, и это не была очередная симпатия. Ее нежная, неброская красота, манера говорить и даже та надменность, а скорее аристократизм, который пугал всех мальчишек, ему казались верхом совершенства. Именно о такой гордой и совершенной во всех отношениях девушке он всегда мечтал. Своим умом самца он понял, что такая девушка никогда не изменит своему возлюбленному и будет верна ему всю жизнь. В тех по-детски романтических письмах, которые он отобрал у Вальки и прочитал их, она писала так красиво и нежно о своей любви к придуманному ею герою. И хотя называла его русским именем, Рава подумал, что она

обращалась к нему. Его пробирали внутренняя дрожь от чувства, что такая девушка будет однажды принадлежать ему. Ведь в письмах был придуманный герой, а он живой, он рядом. Он запросто мог воплотить ее мечту в реальность. А главное, он хотел посвятить свою жизнь отныне только одному человеку – Лие. Но вот хотела ли этого она? Тогда он на Новогоднем вечере послал за ответом Гогу и даже не удивился, услышав отказ. Как могла еще вести себя девчонка его мечты? И от этого он еще больше влюбился в нее. Не выдержав, на следующий день сам пошел к ней во чтобы то ни стало добиться ее благосклонности.

Первая встреча, их скромный диалог стали для него сюрпризом. Он, конечно, ожидал чего угодно, но не такой наивности и чистоты. Все же ей было не четырнадцать лет. Испорченный вниманием, благосклонностью женского пола, он был сражен ее доверчивостью и в тоже время твердостью характера. И испугался, что не сможет ответить ей взаимностью. Но когда произошла эта история с письмами, его словно огорошили и обманули. Выслушав рассказ Гоги, он поверил всему и был просто убит, он был поражен коварством девушки, которую возвел на вершину Олимпа. Как она могла притворяться такой чистой, нежной, целомудренной, а на самом деле иметь отношения со взрослым мужчиной? Но потом он вспомнил, как она бежала по коридору в слезах и решил поговорить с Валькой. Ей он, конечно, не очень доверял, слишком часто она была объектом обсуждений пацанов.

А Гога даже хвастался, что они были близки. Если Лия дружила с такой подругой, вряд ли она от нее чем-либо отличалась. Впрочем, у него не было другого выхода, и, поймав Вальку на перемене, он потребовал письма. Та не особо противилась, ему показалось даже отдала их с удовольствием. «Хороша же, подруга», – подумал он тогда. Эти письма он потом перечитал много раз и даже положил одно из них себе под подушку и, кажется, знал некоторые строчки наизусть. Эти послания придуманному герою заставили его поменять планы на жизнь: он решил стать летчиком. Рава достал письмо и снова прочитал несколько строк:

– «Милый мой Алёшенька! Ты не представляешь, как я скучаю по тебе, как каждую минуту смотрю в небо и вижу там твой самолет. Я знаю, ты тоже думаешь обо мне. Нет такой силы, которая разлучит нас с тобой, мы будем любить друг друга всегда, что бы с нами ни случилось. Если вдруг однажды ты не вернешься ко мне, знай, что больше мне жизни не будет. Я не смогу дышать, если в этом мире не станет тебя. Любимый, я благословляю тебя и молю Бога, чтобы он вернул тебя мне живым и невредимым...» – От переполнявших его чувств Рава не удержался и поцеловал письмо. И тут же с гневом вспомнил то, что произошло ночью.

Его обожаемую девушку чуть не сгубили, и кто – Гога! Трус и мерзавец, который считал, что все девчонки должны быть его. Это значило только одно, что он не сможет оставить Лию. Ему надо быть рядом, потому что может найтись

и другой такой, как Гога. Этого только не хватало.

У него проснулось чувство ревнивого собственника. Все-таки гормоны, о которых говорила аникай, никуда не исчезли. И он еще был так юн. Он решительно пошел на кухню, где пила чай мать, уже проводившая отца на работу.

– Ой, бабикайим (малыш – тат.), садись. Вон кыстыбый (нац. угощение татар) твои любимые сделала, давай чай пить, – засуетилась та у стола. – Как прошел выпускной, баллам?

– Аныйй (мама – тат.), сядьте, пожалуйста, – он взял мать за руки и насильно посадил ее на стул.

Та удивленно смотрела на сына.

– Мама не пугайтесь и не говорите мне ничего, после того что услышите. Я хочу жениться. – И, не давая ей сказать ни слова, продолжил: – На русской девушке. Я прошу вас пойти и сосватать ее за меня.

Аникай сидела с открытым ртом и ничего не могла, кажется, понять. А когда до нее дошло сказанное, она глубоко вдохнула воздух и очень сильно выдохнула с потоком бранных слов, в которых перемешались русские и татарские слова... Таких проклятий в адрес всех девушек, посягавших на ее крошку-сына, он еще не слышал. Рава стоял весь красный и даже не заметил, как очутился за воротами. Здесь он задержался на минуту, а уже в следующую побежал в сторону дома своей мечты.

Перепрыгнул через забор, не обращая внимания на

огромную собаку, которая завилыла хвостом при его виде, и нажал на звонок. Дверь открыла мать Лии, он отодвинул ее и пробежал мимо прямо в комнату Лии. Та сидела в кровати в ночнушке, видимо, разбуженная шумом. Увидев перед собой взволнованного Рава, вскочила, стала натягивать старый халат и никак не могла попасть в рукав.

– Что случилось, Рава?!

– Лия, давай поженимся!

– Ты что, с ума сошел? – покраснела она. – Объясни сейчас же, что ты здесь делаешь?

В это время в комнату влетела мать Лии с веником в руках. Он тут же опустил парню на спину. От неожиданности тот обернулся и по привычке встал в боевую стойку, готовясь нанести удар. Но увидев мать Лии, вдруг упал перед ней на колени:

– Тетя Зина, я хочу жениться на вашей дочери, пожалуйста, отдайте мне ее.

Та остолбенела и только переводила глаза то на дочь, то на парня. А тот уже плакал, закрыв лицо руками, у него была истерика.

– Не отказывайте мне, прошу вас, я ее сделаю самой счастливой.

– Мама, он сошел с ума! – крикнула матери Лия, у нее у самой уже лились слезы. – Не слушай его.

А тот схватил руки матери и стал их целовать.

– Тетя Зина, пожалуйста, я сделаю все для вас, я буду ее

на руках носить.

Наконец до матери что-то дошло. Она подняла парня, обняла его и повела на кухню.

– Успокойся. Тебя как зовут-то? – услышав имя, повторила: – Рава? Ты этих господ наших сынок? Фатима твоя мать? Да, плохо дело, парень. Давай водички выпей, успокойся.

Усадив его на стул и дав стакан воды, позвала дочку. Та вошла вся пылающая, лицо у нее пошло красными пятнами. Рава уже немного успокоился, но было видно, что он весь натянут как струна.

– Что все это значит, дочка? – обратилась мать к дочери. – Ты что, замуж собралась?

– Да ты что, мама. Я вообще не понимаю, что происходит.

– Подожди, доча. К тебе ворвался парень ни свет ни заря, ведь это же неспроста. Что ты ему обещала и что у вас с ним произошло? – уже повышая голос, спросила снова мать. – У вас с ним любовь? Где ты была всю ночь?

Рава с надеждой посмотрел на Лию. Он ждал, он верил ей. После того, что случилось на затоне, когда она рыдала, обнимая его, после того, как они вместе встретили рассвет под старой лодкой и, главное, тех слов, что он похож на ее героя из писем, она не могла сказать «нет». Он видел это в ее широко раскрытых глазах, на ее лице, густо покрытом румянцем волнения. А Лия не знала, что сказать. В ее голове проносились воспоминания ночи: затон, нападение Гоги, спасение от Равы, но затем его ледяные глаза, обвинения.

Чего он ждал от нее? Она ведь так и не услышала заветных слов, признаний. Может быть, он хочет благодарности за ее спасение? Она наконец решилась:

– Мама, у нас с ним ничего нет, мы просто из одной школы. Я не знаю, что он здесь делает. Он все не так понял. – Лия зарыдала и выбежала из комнаты.

Рава сразу потерянно сник, куда делся решительный парень, готовый перевернуть мир. Действительно, с чего он взял, что Лия может его любить. Это все у него в голове. Ему было стыдно, его гордость была растоптана безжалостными словами девушки.

Мать Лии подошла к нему и прижала его голову к себе.

– Не горюй, парень. Какие твои годы, ты еще встретишь хорошую девчонку, вон ты какой справный. И родители будут только рады. Не пара она тебе.

Но Раве уже было все равно, он встал и пошел к выходу.

Какой же он идиот. Лийка его не любит, а он как дурак напридумывал себе!

Для самолюбия парня, на которого вешались все девчонки округи, это был сильнейший удар. Он вышел за калитку и пошел прямо по улице, сам не зная куда. Навстречу ему вышла Валька. Он пытался пройти мимо, но она уже остановилась напротив него и удивленно вопрошала:

– Ты что это здесь делаешь?

– А ты? – машинально переспросил он.

– Я же здесь живу, ты что, не знаешь? – Валька махнула

на стоявший вдоль дороги небольшой аккуратный дом. Потом пригляделась: – Что это с тобой, ты чего такой красный, плакал, что ли?

От внимательных глаз Вальки не скрылось ничего. Она сразу поняла, что это связано с Лийкой. О событиях на затоне ей было известно, но она никому не расскажет об этом. Неожиданно для Рава пригласила его к себе: – Может, ко мне зайдем? Дома никого нет.

Тот нахмурился, призадумался на минуту:

– А у тебя выпить есть?

Та кивнула:

– Найдется. – И с удивлением посмотрела на Рава. Все знали, что он не пьет, это мешало спорту.

– Пошли, – решительно заявил он, и они зашагали к ней.

Дома она быстро накрыла стол, достала из старых отцовских запасов бутылку «Столичной». Рава пил молча, стакан за стаканом, и вскоре был в стельку пьяным, а дальше просто отключился. Проснулся вечером на чьей-то постели и вначале ничего не мог сообразить. Только когда рядом увидел девушку, обрадовался. Мелькнула мысль: «Лийка!» Не веря глазам, он повернул ее к себе. Это была Валентина. Она испуганно смотрела на него, натягивая на себя простыню. Только сейчас он заметил, что они оба были голыми. Рава закрыл глаза и молча переваривал увиденное. Голова гудела, он ничего не понимал, а главное, не мог вспомнить, как он здесь оказался. Затем спросил тупо:

– А ты ведь с Гогой была, да?

У той забежали глаза. Неужели Гога, подлец, все ему рассказал.

– Ты что, Рава? – наигранно всхлипнула Валька и затем быстро скороговоркой: – Но я не хотела, честное слово, он обманом. Я тебя люблю, миленький Равочка. Я на все готова ради тебя, только не бросай меня. Ты всю ночь был со мной, сам захотел этого. Ты принудил меня.

Но он уже ее не слушал. В голове вертелось только одно: «Гога, снова Гога!» Это он все сделал, он разбил его жизнь. Если бы не он, все у него было бы хорошо с Лией, они были бы вместе, поехали бы учиться.

У него заходили желваки под скулами. Быстро одевшись, бросился на улицу.

Там уже наступила черная азиатская ночь. Звезды крупными гроздьями висели низко и ярко и словно сопровождали его к той, что утром отказалась от его любви. Заглянул в окно, в котором горел свет, и увидел там ее. Она вновь читала книгу. Красивая, недосыгаемая. А он был с Валькой. Это решило все. Он отпрянул от окна и быстрым шагом пошел к дому, где жил Гога. Вызвал того на улицу и стал бить, методично нанося удары в голову, тело, лицо. Короткими хуками, справа, слева, как его учили в боксерской школе. Продолжалось это недолго, его остановили какие-то люди, которые сбежались на шум. Приехали скорая, милиция, его увезли в участок...

...Вчера начальник лагеря сказал Рава, что ему разрешили свидание с невестой. Парень был удивлен. Но ничего не сказал, какая разница, лишь бы привезли что-нибудь съестное, вкусное. Он так соскучился по беляшам и учпучмакам матери. И вообще, он соскучился по дому.

Но все же, кто бы это мог быть? Неужели Валька решила его навестить? Да нет, она бы написала. От нее он знал, что Лийка уехала, поступила в институт. Гога тоже уехал в Грузию с родителями. Слава богу, остался жив. Рава понимал, что тогда ему вожжа под хвост попала. Что с ним тогда произошло? Все было как в тумане. Виной тому, конечно, была водка, которую он никогда не пил в таких количествах. Он не винил в этом Вальку, его лишь очень сильно беспокоило, что он не помнил дальнейшее. Она же вела себя так, как будто между ними что-то было. Яростно защищала его в суде, писала длинные письма в колонию, присылала посылки, словом, вела себя так, будто они теперь возлюбленные. А для него любая весточка с воли была как живительная струя воздуха, поэтому он не отказывался от игры, навязанной школьной подругой. И только та, которую он боготворил, молчала. Впрочем иного он и не ждал. Сейчас он понимал, что вел себя глупо с этим неожиданным сватовством. Между ними ничего не было, не было истории любви, не было свиданий, никаких других признаков влюбленности. Неужели только потому, что он ее спас, она должна была пойти за него замуж?

Лия снилась ему по ночам в белом платье с тюльпанами, которое было на ней в последний день выпускного. С этой высокой прической, делавшей ее взрослой и опасно красивой. Потом наплывал темный затон, крики Лии, борьба с Го-гой. Во сне он снова и снова бил Гогу. Просыпался в холодном поту, приходил в себя и в эти минуты нисколько не жалел о содеянном. Более того, где-то в глубине его подсознания сидел дикий зверь, который нашептывал ему, что, возможно, он не успел и Гога сделал свое черное дело. Ведь он явственно видел её трусики, лежащие поодаль в песке. И эти ее рыдания у него на груди. От этой мысли все восставало в нем, и он знал, что при встрече он Гогу не пощадит.

Днем эти черные мысли уходили, и он понимал, что погубил свою жизнь, жизнь своих родителей, всех близких. И от этого хотелось плакать и просить прощения у всех, кому причинил страдания. Он знал из писем сестры, что родители сильно состарились, отец ушел на пенсию, и теперь они с матерью занимаются огородом, по вечерам сидят вдвоем и говорят о нем. «И даже не ругаются, – писала Сафина, – а мама стала тихой и набожной, ходит в мечеть, молится за тебя».

Рава повернулся на нарах и снова вспомнил про свидание: кто же все-таки к нему приехал?

Здесь, в колонии, он многое понял, но своим принципам не изменил, боксерские навыки, спорт, приучивший его к жесткой дисциплине и умению постоять за себя помогали ему отстаивать свое право на жизнь вне законов тюремного

мира. Его особо не трогали, тем более когда узнали, за что он сидит.

«Молодой, горячий. Но свой», – такой вердикт вынесли отсидевшие не один срок сокамерники и не приставали к нему с чефирем и травкой, которую как-то умудрялись заносить с воли. Это вовсе не означало, что он прикрыт кем-то и с ним в одно «прекрасное» утро не разберутся. Но Рава жил одним днем, и завтрашнее непонятное будущее его мало волновало.

Он ходил в черной робе, в такой же черной кепочке, которая спасала от невыносимой пустынной жары. От копоти и жары котельной, в которой работал, он стал смуглым, и когда-то синие глаза посветлели и стали серыми. Шел второй год его отсидки из шести, присужденных ему старым судьей...

Конец первой части